

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию / Кто владеет информацией — тот владеет миром	8
---	---

ПРОЛОГ

Простофиля	11
----------------------	----

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1 / Отборочный тур	23
ГЛАВА 2 / Бостонская бойня	30
ГЛАВА 3 / Как взломать код	47
ГЛАВА 4 / Спортивные машины, модели и яхты!	66

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 5 / Погоревший в Берне	85
ГЛАВА 6 / Ответный удар	103
ГЛАВА 7 / Тарантул	118
ГЛАВА 8 / Мексиканская подстава	135
ГЛАВА 9 / Опасное положение	153

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 10 / Жертва	173
ГЛАВА 11 / Сумеречная зона	184
ГЛАВА 12 / Взрыв	204
ГЛАВА 13 / Козел отпущения	219
ГЛАВА 14 / Курорт	232
ГЛАВА 15 / Богач, бедняк	251
БЛАГОДАРНОСТИ	255
ПРИЛОЖЕНИЯ	259
ВОПРОСЫ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ	296
ИНТЕРВЬЮ С АВТОРОМ	299
ОБ АВТОРЕ	309

Предисловие к русскому изданию / Кто владеет информацией — тот владеет миром

Эти слова, сказанные основателем английской ветви Ротшильдов, Натаном Майером Ротшильдом, стали крылатой фразой после поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Именно тогда Ротшильд, первым получив информацию от своего агента об истинном исходе сражения, решился на блеф, сам пришел на биржу и начал продавать свои акции. Сделав вывод, что Наполеон одержал победу, все тоже стали продавать, началась паника. В этот момент люди Ротшильда скупали акции за бесценок. Лишь через два дня пришел рапорт: «Наполеон разбит». Цены на бирже снова взлетели, но для многих и многих эта победа, увы, обернулась банкротством. Что это: гениальный финансовый ход или циничная манипуляция информацией?

Информация — самый востребованный и желанный в современном мире ресурс. С ее помощью развязываются и прекращаются войны, рушатся целые государства, свергаются и приходят к власти различные политические силы и персоны и, конечно же, по-прежнему кто-то разоряется, а кто-то наживает баснословные богатства. Особенно ценность информации высока, когда ей владеет лишь узкий круг самых доверенных лиц.

Книга «Игра Люцифера» об этом и еще о многом другом! Основанная на реальных событиях, интригующая, не оставляющая равнодушным. Эта книга позволяет увидеть изнанку швейцарской банковской отрасли, рассказывает об американской системе правосудия со всеми ее недостатками и достоинствами, о «красивой» жизни и тюрьме, о выборе и ответственности за свой выбор. Изложенная живым и эмоциональным языком, история создает впечатление того, что все происходило на ваших глазах.

Самый высокооплачиваемый сотрудник отдела Private Banking крупного швейцарского банка американец Брэдли Биркенфельд занимался тем, что, кочуя с одной пафосной вечеринки на другую, посещая мировые премьеры и показы, выдающиеся выставки и спортивные состязания, выстраивал доверительные отношения с богатыми и очень богатыми людьми. По собственному признанию, Биркенфельд гордился тем, что умело продавал потенциальным клиентам «нули»: 0 доходности, 0 подоходного налога и 0 налога на наследство! После таких встреч миллионы и миллиарды долларов неспешно перетекали в Швейцарию и надежно прятались там, защищенные законом о банковской тайне, от бизнес-партнеров, супругов и налоговых органов.

Что произошло потом? Какие события стали толчком к одному из самых громких финансовых скандалов нашего времени? Как случилось, что в результате долгого и напряженного процесса в американское казначейство поступило более 15 миллиардов долларов недоимки, а сам Биркенфельд, отсидев 31 месяц в тюрьме, получил после освобождения 104 миллиона долларов как изобличитель многочисленных налоговых махинаций? И пока вы будете переворачивать страницу за страницей, полностью погружившись в сюжет, вы сами решите для себя, кто же такой на самом деле Брэдли Биркенфельд – национальный герой, честный гражданин, ищущий справедливости, или игрок без совести и морали, торговец конфиденциальной информацией, которому удалось выиграть свой раунд в одной из игр Люцифера.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

**«Свершилось нечто,
о чем трудно говорить
и невозможно молчать».
Эдмунд Берк,
англо-ирландский
философ**

ПРОЛОГ

Простофиля

«...Я опасюсь, что известные своим лукавством и хитроумными трюками иностранные банкиры возьмут под свой полный контроль огромные богатства Америки и направят их на систематическое разращение цивилизации».

Отто фон Бисмарк, канцлер Германии

8 января 2010 года, Майнерсвилль, Пенсильвания.

Все дороги, ведущие к федеральным тюрьмам, почему-то кажутся очень длинными. На них практически нет съездов или обходных путей, позволяющих сократить путешествие и хоть как-то избавиться от скуки и мучительного ожидания. Зато на них много незаметных поворотов и заброшенных участков. И будь это короткая поездка от здания суда или шестичасовой маршрут в чадающем тюремном автобусе, этот путь всегда символизирует расплату за безумную жизнь и всегда заканчивается одинаково.

Неудивительно, что в то морозное пятничное утро дорога в федеральное исправительное учреждение Скулкилл казалась мне вечной. Хотя ехать от моей гостиницы в Скрэнтоне, штат Пенсильвания, до затерянной в глуши тюрьмы не больше часа, мне казалось, что мы находимся в пути уже не меньше года. Даже сидя в Lexus, я видел пар, вырывающийся у меня изо рта, а за окном снег, подхваченный ветром, закручивал вокруг нас причудливые вуали. Ехать по скользкой дороге становилось все опаснее. Я бы с радостью сел за руль и в последний раз прокатился куда-нибудь перед тюрьмой, однако у меня больше не было машины, мне было запрещено выезжать за пределы определенного ареала, а на ноге у меня было закреплено следящее устройство. Поэтому вести машину сквозь бурю пришлось моему старшему брату Дугу — здоровяку за метр девяносто, как и я сам. Я позвонил из машины нескольким друзьям, однако в основном мы сидели молча, двигаясь навстречу роковой неизбежности.

Я знал, что это будет очень сложно для Дуга, может быть, даже сложнее, чем для меня. Он очень гордился тем, что я раскрыл чуть ли не самое значительное в истории мошенничество в области налогов и банковской деятельности и был вне себя от ярости из-за того, что сделало со мной министерство юстиции. Дуг полагал, что я заслуживаю Президентской медали Свободы, а никак не наручников. Я пытался убедить его в том, что все будет хорошо.

— Чувак, расслабься, — сказал я, глядя на побелевшие костяшки пальцев, которыми он стискивал руль. — Подумаешь, три года в кутузке, наплевать и забыть.

Но Дуг на это не купился. Он был полон возмущения, горечи и жажды мести. И, честно говоря, я испытывал те же самые чувства.

Я оставил свою фальшивую браваду, когда автомобиль въехал в поворот на лесной дороге, по бокам которой стояли заснеженные сосны. Колеса внезапно потеряли сцепление, машина ушла в занос, однако Дуг справился с этим, как опытный пилот «Формулы-1», и даже не сбросил скорость. Он навис над рулем, глядя в ветровое стекло, на котором бешено работали дворники, разгребая снег. Звук их работы напоминал мне тиканье часового механизма, подключенного к mine замедленного действия. Возможно, это звучит слишком драматично, но именно так мне тогда и казалось.

— Не гони, брат. — Я потянулся к нему и сжал его плечо. — Я никуда не тороплюсь.

Дуг наконец-то вымученно улыбнулся, и мы снова погрузились каждый в свои мысли.

Я слышал, что перед смертью у человека перед глазами проносятся вся его жизнь. К счастью, со мной такого не было, однако могу авторитетно заявить, что, когда вас вот-вот закроют в тюрьме, вы испытываете

нечто подобное. Оглядываясь назад, я чувствовал себя смертельно больным, перебирая радостные и грустные моменты жизни, а также свои удачи и пару невероятно грубых ошибок. Жизнь не проносилась у меня перед глазами, а, скорее, медленно прокручивалась, как старый фильм на трясущемся кинопроекторе.

Я ни о чем не сожалел, да я и не любитель жаловаться. Однако кое-что я бы точно хотел изменить, будь у меня такая возможность. К примеру, я бы не стал верить, что мои швейцарские боссы-банкиры меня защитят, ведь в глубине души я знал, что добросовестность не их качество. И я точно не отправился бы в министерство юстиции США, ожидая, что оно защитит меня после того, как я преподнесу им на блюде крупнейшую в истории мошенническую схему с налогами. Даже в зрелом 44-летнем возрасте я все еще верил в американскую систему правосудия. Что ж, учиться никогда не поздно.

Больше всего я думал о том, чего мне будет не хватать: о стиле жизни, ради которого я рвал свои жилы, о родителях и братьях, о моих друзьях и свободе. Я знал, что уже через час Диснейленд моей жизни сменится на Тауэр.

Я откинулся назад и закрыл глаза, вспоминая свое путешествие по «американским горкам» карьеры. Всего два года назад я жил жизнью, о которой большинство людей может только мечтать. Картины, запахи и ощущения этой жизни нахлынули на меня, как теплая карибская волна.

Я представил себе, как отдыхаю в Женеве на веранде моей роскошной трехэтажной квартиры с видом на площадь Рив. Из фарфоровой чашки струится запах эспresso, а оранжевые страницы газеты *Financial Times* колеблются под утренним ветерком. На мраморном столе стоит коробочка со свежей клубникой с соседнего фермерского рынка, а швейцарские трамваи под окном катятся туда-сюда, напоминая детскую железную дорогу. По субботам мой обычно оживленный район О-Вив стихал. Все кабаре закрывались на рассвете. Я слышу, как где-то далеко раздается цоканье копыт по брусчатке — это карета, в которой катаются туристы. Солнечный свет отражается от покрытых снегом вершин Швейцарских Альп, а через высокие французские окна моей квартиры пробивается голос Дайаны Кролл, поющей джаз.

Моя экзотичная бразильская подружка Таис отдыхала внутри квартиры на куче персидских подушек. Несмотря на похмелье, мы оба счастливы. Я не мог отделаться от мыслей о ее коже, мягкой, как непальский шелк. У меня в ушах постоянно звучал легкий португальский акцент, и я, ухмыляясь, слушал ее голос.

— Брэдлиии, возвращайся в кроватку, дорогой. И ту штуку, которая мне так нравится, не забудь.

Это был один из тех прекрасных уик-эндов, когда мы могли запрыгнуть в мой огненно-красный Ferrari 550 Maranello и поехать в Церматт,

с ревом проносясь по невероятно красивым горным перевалам. Мое швейцарское шале располагалось чуть выше этого живописного городка, в который был запрещен въезд автомобилей, поэтому мы парковались в крошечной деревушке у подножия горы, а затем долго поднимались вверх на подъемнике над долиной. Последний подъем — и мы на месте, у моего окна, из которого открывается вид на гору Маттерхорн.

Возможно, в этом и нет ничего особенного. Но если вам нравится шампанское Laurent-Perrier, свежая черная икра, сигары Churchill прямо из Гаваны, швейцарский шоколад Frigor, часы Audemars Piguet, костюмы от Brioni и роскошные девушки, которые хотят лишь хорошо провести время и сделать вам приятное, то представьте себе все это — и самое главное, что все это можно купить *за деньги*.

В конечном счете все сводится к деньгам, не правда ли? Именно поэтому я занялся международным банковским делом, получил степень магистра в университете Ла Тур-де-Пей и с радостью бросился в банковские жернова Женевы. Именно поэтому меня взяли на желанную работу в Union Bank of Switzerland, UBS, крупнейший и лучший банк мира. А там я, как единственный американец в элитной команде швейцарских частных банкиров, достиг совершенства. Я летал только первым классом, жил в пятизвездочных отелях и соблазнял самых богатых людей мира на то, чтобы те переводили свои состояния на секретные швейцарские номерные счета без лишних вопросов со стороны банкиров. Меня отличали храбрость, финансовая смекалка и обаяние, и поэтому мне удалось зарабатывать миллионы долларов как для UBS, так и для моих клиентов, не забывая при этом себя.

Лишь потом я понял, что на самом деле это не был вопрос денег. Я чувствовал себя героем романов Яна Флеминга¹, жил в постоянном возбуждении, а эта страсть способна погубить любого. Это могло бы продолжаться, но оказалось, что у меня есть такая назойливая мелочь, как совесть, и я в конце концов понял, что у «Фирмы»² ее нет. Коварные ублюдки из UBS, мои гнусные швейцарские боссы с самого начала знали, что все, что мы делаем, грубо нарушает американские налоговые законы и что я мог сесть за это в тюрьму до конца своих дней. Они пытались подставить и меня, и моих клиентов, и моих коллег, поэтому я решил переиграть швейцарскую мафию и сделать первый ход.

Но этот ход оказался не самым удачным. Министерство юстиции США должно было принять меня, защитить меня, *поблагодарить* меня

1 Автор романов о Джеймсе Бонде. — Прим. ред.

2 Детективный роман Джона Гришема, описывающий аналогичную (вымышленную) ситуацию. — Прим. ред.

за то, что я был первым и единственным швейцарским частным банкиром, который смог взломать непроницаемую стену банковской секретности и коррупции, присущих этой стране. Министерство юстиции должно было сделать все для того, чтобы никто больше не мог дурачить американских налогоплательщиков. Вместо этого оно одной рукой жадно схватилося за сокровище, которое я принес, а другой надело на меня наручники.

Ублюдки. И это я еще мягко выражаюсь.

Меня охватил прилив ярости, и я открыл глаза, но окружающие виды быстро привели меня в себя. *Биркенфельд, ты не единственный, кому тяжело.* Мы ехали по угледобывающим районам средней Америки, с ветхими домами и фермами, с дымом, поднимавшимся из потрескавшихся труб, и ржавыми старыми автомобилями без колес, стоявшими на кирпичках. Я видел лошадей, пасшихся на холмах и пытавшихся найти хоть немного травы под снегом. Для местных жителей, которые не могли позволить себе безбожно подорожавший бензин, это был единственный вид транспорта. Я знал, что когда-то здесь жили американские герои — люди, ценой невероятных усилий добывавшие из-под земли черное золото, в котором так нуждались их соотечественники. Многие из них погибали в аварийных шахтах, еще больше людей умирали от проблем с легкими. А теперь эти люди превратились в изгоев, которых проклинали защитники окружающей среды и от которых всеми силами отмахивались избранные ими политики. Эти люди, как и я, были преданы своей стране. С тем лишь исключением, что они никогда не видели горного шале в Церматте.

Мы проехали мимо дорожного знака «Майнерсвилль». Пора входить в роль. Совсем скоро моя пятая точка поступит в полное распоряжение правительства США. Что ж, порой надо платить за излишнюю доверчивость и болтливость. *Спасибо, дядя Сэм.*

Федеральным болванам невдомек, что весь этот швейцарский блеск мало что значил для меня. Я вырос без него и умел жить даже в самых суровых условиях. В конце концов я смог закончить Норвичский университет в штате Вермонт, одну из самых старейших и жестких частных военных академий в стране, где каждый день мы начинали с отжиманий в снегу, десятимильных марш-бросков с полной выкладкой и криков сержантов, обожавших муштровать кадетов, затем до одури «пахали» в классах — и так до поздней ночи. Я ничего не знал о том, что мне предстоит в Скулкилле, но предполагал, что федералам далеко до военной академии — иначе преступников было бы куда меньше.

Будь что будет, а я не сдамся. Я обожал старый комедийный сериал «Герои Хогана» о противостоянии военнопленных из союзных армий и нацистских надзирателей. Скулкилл станет моим «Шталагом 13», а я буду полковником Хоганом. *Давай, детка, не облажайся!*

Я еще раз посмотрел на Дуга. Он — приятный парень, куда красивее меня или нашего старшего брата Дейва. У него ослепительно-белые зубы и красивые рыжеватые волосы. Дуг — довольно жесткий юрист, и когда приходит его время, он поднимает свой тяжелый подбородок и нацеливает на жертву лазерный взгляд своих холодных голубых глаз.

Но теперь его подбородок дрожал.

— Что-то ты не в себе, — сказал я.

— Конечно, я просто *обожаю* возить своего младшего брата в тюрьму. Может быть, нам удастся заставить Дейва сделать что-нибудь противозаконное, чтобы я отвез и его?

Я искренне посмеялся над этими словами. В ту минуту, когда вы больше не в состоянии смеяться, считайте, что с вами покончено.

— Расслабься, чувак, — сказал я. — Вот увидишь, это время пролетит незаметно.

— Я бы убил кого-нибудь, — ответил он. — Кого-то вроде Кевина Даунинга.

Трудно было не согласиться. Кевин Даунинг был старшим прокурором в налоговом подразделении министерства юстиции и одним из первых, к кому я обратился. Я вручил ему ключи от королевства, все секреты незаконных операций швейцарских банкиров, а он набросился на меня, как бешеный пес. Дуг, юрист с безупречной этикой, воспринимал Кевина Даунинга как низшую форму жизни в своей профессии — мелкого, лицемерного, корыстного и злобного придурка.

— Кто еще в твоём списке? — спросил я.

— После Даунинга? Конечно, Оленикофф.

Ну, конечно, Игорь Оленикофф. От одного упоминания его имени моя кровь вскипала. Оленикофф был уроженцем России, калифорнийским магнатом в сфере недвижимости, мультимиллиардером и самым крупным моим клиентом в годы работы в UBS. Впервые мы встретились с ним в одной из морских гаваней, где каждая яхта стоит как дом, их экипажи будто сошли с рекламных плакатов марки Abercrombie & Fitch, а любовницы их владельцев трясут своими силиконовыми сиськами и алмазными браслетами прямо перед лицами их жен. Затем я встретился с ним еще один раз и представил его моему коллеге из Лихтенштейна, Марио Стагглу, настоящему мастеру в деле сокрытия денег и личностей их владельцев.

Оленикофф имел *большие* деньги, и он хотел, чтобы значительная их часть была припрятана на черный день где-нибудь подальше от хищных глаз налоговой службы США. Поэтому Марио создал два траста в Лихтенштейне с тремя принадлежавшими им голландскими фирмами-однодневками, в которых Оленикофф был единственным бенефициаром. Вскоре после этого я разместил на нескольких номерных счетах в швейцарском UBS 200 миллионов долларов прибыли от операций

Оленикоффа с недвижимостью в США. Единственное, что могло идентифицировать Оленикоффа как настоящего владельца счета, была специальная карточка с его именем и кодовое слово. Эта карточка была закрыта в сейфе в нашей женевской штаб-квартире, а доступ к этому сейфу был только у меня и моего босса, Кристиана Бовзя. Никто другой в UBS не знал имени Оленикоффа.

С технической точки зрения в этой операции не было ничего незаконного, за исключением того, что Оленикофф «забыл» упомянуть швейцарские деньги в своей налоговой декларации, поданной в США. У меня было немало богатых американских клиентов в UBS, и, то, заполняют ли они налоговую форму W-9 или нет, совершенно меня не касалось. Однако не поймите меня неправильно. Я не был ребенком и знал, что я делаю. А UBS продолжал науськивать своих «охотников» в Штатах, чтобы те привлекали еще больше парней с деньгами, поэтому я отправил свою совесть на каникулы и продолжал игру. Но это продолжалось лишь до тех пор, пока я не выяснил, что мои боссы собираются выжать меня досуха — тогда я нанес упреждающий удар и сдал их правосудию.

Затем министерство юстиции США сделало мне предложение, от которого я не смог отказаться. «Дайте нам имена американских владельцев счетов, Биркенфельд. Причем все имена — или мы подвергнем уголовному преследованию вас самого». У меня не оставалось особого выбора. Когда занимаешься разоблачениями, каждый за себя.

В то время Игорь Оленикофф казался мне типичным высокомерным миллиардером, а по правде говоря — просто дешевой; мне ни капли не совестно так о нем говорить — этот человек был способен нанять лучших адвокатов, которых только можно найти за деньги, и выкрутиться из любой неприятной ситуации. Как-то раз Игорь доверительно сказал мне, что в следующей жизни хотел бы быть калифорнийской домохозяйкой из Ньюпорт-Бич. Это показалось мне странным, и я спросил почему. Он ответил: «Потому что все, что они делают, это тратят деньги мужей». Классный парень, правда?

В оценке этого человека я не ошибся, однако недооценил жуликов из министерства юстиции. В их ДНК нет гена благодарности. Они обвинили Оленикоффа в налоговом мошенничестве — и меня вместе с ним как соучастника! А чтобы уже точно засадить меня в тюрьму, они заявили, что я предал огласке его имя уже после того, как мне было предъявлено обвинение.

Это было просто охренительно невероятно. Да, я не говорил его имени министерству юстиции — и они знали почему. Однако я дал показания под присягой, когда меня вызвали на слушания в Сенат США, и сообщил массу деталей о моих многочисленных сделках с Оленикоффом. Тем не менее на слушании, посвященном моему приговору, Кевин Даунинг, глядя судье прямо в глаза, сказал, что я скрыл имя Оленикоффа.

Даунинг, человек с лицом игрока в покер и искренний, как сам сатана, заявил, что я прикрывал богатого клиента и надеялся получить за свое хорошее поведение жирный куш.

Бабах! — стукнул молоток судьи. В тюрьму Биркенфелда!

Я никогда не забуду этого ощущения и звука молотка, бьющего по столу из красного дерева. В тот момент я ощутил себя Ли Харви Освальдом, козлом отпущения.

Сам же Оленикофф заключил сделку с дьяволом и отделался двухлетним испытательным сроком и штрафом. Сумма штрафа составила 52 миллиона долларов — для кого-то это большая сумма, для него — карманные деньги. Но это были еще цветочки. Оленикофф подал иск против UBS, меня и более *тридцати* других людей и компаний, заявив, что это мы виноваты в том, что он не заплатил налоги! Поразительная наглость! Вы десятилетиями обманываете правительство, на вас кто-то дает показания, и его-то вы и начинаете преследовать! В итоге он идет в тюрьму, а вы возвращаетесь к своим оргиям с шампанским. К тому времени расходы на юристов уже опустошили мои карманы, и адвокаты меня покинули. У меня не осталось защиты, и мне предстояло совсем скоро оказаться в тюрьме, а Оленикофф веселился на вечеринках и стирал меня в порошок в зале суда.

Что за страна... Страна Свободных, если вы можете позволить себе заплатить за эту свободу.

Одно меня не отпускало. У Оленикоффа был любимый сын по имени Андрей, который нравился мне гораздо больше его отца. Он был отличным трудолюбивым молодым человеком с хорошим вкусом. Я даже был гостем на его свадьбе в Ньюпорт-Бич, когда он женился на милой молодой женщине по имени Ким. Как-то раз Андрей ехал на своем джипе по шоссе вдоль берега, у машины отказали тормоза, и он погиб. Я был искренне расстроен и даже шокирован этой новостью. Ким была вне себя от горя, а сердце Игоря Оленикоффа было разбито навсегда.

Полагаю, что истинная мораль этой истории такова — неважно, сколько у тебя денег и насколько ты умен, ты все равно не сможешь оживить мертвого. Как говорит старая пословица, в мире нет ничего неизбежного, кроме смерти и налогов³, и, как это ни иронично, Игорь убедился и в том и в другом.

Я вновь посмотрел на Дуга. На его губах появилась ухмылка. Я был уверен, что и он сейчас думает о том, какой неожиданный поворот совершила судьба Оленикоффа.

3 Цитата принадлежит Бенджамину Франклину, она взята из его письма Жану-Батисту Леруа. — *Прим. ред.*

У нас, Биркенфельдов, есть свои особенности — мы жесткие, мы готовы к схватке, и мы прирожденные борцы. Наш отец — известный нейрохирург, и мы, трое братьев, выросли, играя в хоккей и футбол и занимаясь различной работой с тех пор, как научились ходить. С нами приятно иметь дело, но мы не поддаемся. Наша фамилия означает на немецком «березовое поле». Так и есть — мы высокие, твердые, порой мы гнемся под ветром, но никогда не ломаемся. И если вы хотите срубить нас, то вам лучше вооружиться чем-то покрепче.

Мы свернули с дороги под порывами бури, проехали немного по узкой тропинке, а затем я увидел Скулкилл (по-английски это название похоже на слова «школа» и «убивать» и звучит странным каламбуром, как будто попавший в это место ничему не научится). Тюрьма была окружена лесами, а ее площадь была не меньше десятка футбольных полей. Главный вход представлял собой невысокий бетонный прямоугольник с затемненными окнами и рядами колючей проволоки, натянутой по всей крыше. Американский флаг трясся под порывами ветра, а его веревочные шкивы с силой били по флагштоку. Мой желудок сжался. *Пришла пора расплачиваться.*

На улице перед входом стояло несколько телевизионных автобусов и автомобилей, в которых приехали журналисты. Рядом стояли собравшиеся со всего мира репортеры в пуховых куртках и пытались согреться, размахивая руками. Увидев нашу машину, они побросали чашки с кофе и принялись включать свои прожектора и микрофоны. Многим я заплатил, чтобы они приехали. Я собирался провести пресс-конференцию и сообщить правительству США все то, что я думал об его наглой лжи, которая привела меня в тюрьму.

И если вы еще не поняли, кто я такой, скажу, что я — молоток, который только и ждет, чтобы забить очередной попавшийся на пути гвоздь.

— Ну, началось, — сказал Дуг, припарковавшись рядом с другими машинами.

Я выбрался наружу и посмотрел на небо. Снег падал сверху крупными хлопьями. Это был мой последний взгляд на свободный мир, прежде чем я сяду в тюрьму на три года. Я был одет довольно просто — в клетчатую фланелевую рубашку и красную горнолыжную куртку, на голове у меня была черная бейсболка. Я заметил в толпе одно дружественное лицо.

Единственным адвокатом, который остался со мной, был Стивен Кон — притом что я не платил ему ни цента. Этот миниатюрный парень с копной вьющихся серых волос, в очках, всегда настроенный оптимистично, был невероятно умен и при этом мог быть злобным, как питбуль. Он был главным советником Национального центра помощи информаторам в Вашингтоне. Стив был убежден в том, что правительство должно заплатить мне немалую награду, и собирался приложить

к этому все усилия. Я любил этого парня, но считал его мечтателем. Двинувшись в направлении тюрьмы в сопровождении Дуга, я поприветствовал Стива кивком.

Репортеры столпились вокруг меня. Я увидел, как в нашу сторону от главного входа топают двое тюремных стражей в черных куртках-парках, ухватившись за пистолеты и дубинки. Один из них панически помахал рукой в перчатке.

— Вы не можете проводить здесь пресс-конференцию! — закричал он. — Это частная территория!

Я ткнул пальцем в направлении дороги и ответил с нарочитым акцентом уроженца Новой Англии:

— Эта дорога принадлежит людям Америки, а не *вам*. Это *федеральная* собственность. Вы хотите сказать, что Первая поправка⁴ в моем отношении уже не действует?

Стражники посмотрели друг на друга, чертыхнулись и отступили. Невысокая женщина-репортер сунула мне под нос микрофон.

— Мистер Биркенфельд, вы собираетесь сдать федеральным властям, обвиняющим вас в заговоре с целью совершить налоговое мошенничество, — сказала она, приняв красивую позу перед камерой. — Вам есть, что сказать?

Я изо всех сил попытался изобразить из себя Клинта Иствуда.

— Я бы хотел сказать, как я горд тем, что мне хватило смелости выступить с разоблачением крупнейшего налогового мошенничества в мире. — Репортеры принялись писать в блокнотах и щелкать кнопками диктофонов.

— И вот что я получаю за это! — Я кивнул в сторону тюрьмы. — Обвинение от министерства юстиции!

Затем я попытался придать своему лицу максимально умудренный вид.

— Выводы вы можете сделать сами...

Из толпы послышались другие вопросы, однако я уже сделал главное — выпустил свою стрелу в направлении правительства. Стив Кон, не скрывавший своих эмоций, смог протиснуться ко мне.

— Вы хватаете изоблачителя, благодаря которому американским налогоплательщикам вернулась огромная сумма денег, и бросаете его в тюрьму? Это пародия на справедливость! Это *ошибка*! Это настоящий абсурд!

4 Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу совести, свободу слова, свободу прессы, свободу собраний и свободу петиций. — *Прим. ред.*

Я похлопал Стива по плечу, пожал руку брату, выбрался из толпы и поднялся ко входу по бетонным ступенькам. Стражники заломили мне руки за спину и сковали наручниками. *Щелк.*

Затем меня затащили внутрь через открывшиеся двери. Крики репортеров были почти не слышны на территории тюрьмы; никаких звуков, кроме завывания метели. Мы прошли через комнату, в которой принимали новых заключенных. На ее выбеленных стенах висели портреты довольных надзирателей. Линолеум в комнате пах, как в школьном спортзале, этот запах нравился мне с детства. В углу комнаты сидела за высоким столом дородная блондинка, такая же приветливая, как Гудвин, Великий и Ужасный. Она уже знала, кто я такой, однако я все равно попытался привлечь ее внимание.

— Биркенфельд, Брэдли С., — доложил я.

Она не оценила моего жеста.

— Мистер Биркенфельд, у вас есть с собой какие-то личные вещи?

Я снял часы, Audemars Piguet Royal Oak Offshore T3 — ту же самую модель, которую носил Арнольд Шварценеггер в фильме «Терминатор 3».

— Только это, — сказал я, передавая ей часы. — Не потеряйте. Они стоят 25 000 долларов.

Она заморгала, глядя на меня, взяла часы — осторожно, как шипящую кобру, — и бросила их в конверт из плотной бумаги.

Надзиратели проводили меня в еще одну комнату — пустую, уставленную стальными шкафами с замками. В комнате отчетливо пахло грязными носками. Меня поставили у стены и сфотографировали. Когда сверкнула вспышка, я улыбнулся.

— Какого черта ты лыбишься? — оскалился один из охранников.

— Весело же, — сказал я.

Охранники напряглись и обменялись быстрыми взглядами. Один показал на мою ногу.

— Где твое следящее устройство?

— Я срезал его ножом прошлой ночью и вернул своему инспектору по надзору.

Охранники сняли с меня наручники и уставились на меня, как пара котят, запертых в камере вместе с шакалом. Я разделся и отдал им свою одежду.

Через несколько минут я уже был облачен в узкие белые штаны, серую футболку, оливково-серую куртку и рабочие ботинки на шнуровке. Такая одежда меня не смутила. Я уже знал, что меня поместят в крыло с минимальной степенью безопасности, напоминавшее армейские бараки. Именно там отбывали свой срок «белые воротнички».

В комнату вошел врач в белом халате, померил мое давление и заявил, что я в нормальной физической форме для того, чтобы носить

наручники. Меня снова сковали и вернули к столу, за которым сидела и штамповала какие-то документы Мисс Приветливость.

— Так, и где спальный корпус? — спросил я. — Я бы не хотел пропустить обед.

Она уставилась на меня поверх очков.

— Сегодня вы туда не попадете, мистер Биркенфельд.

— Неужели? А куда же вы меня отправите?

— В одиночку, — ответила она и указала в потолок. — Приказ сверху.

Я все понял. Судя по всему, начальника тюрьмы сильно разозлил спектакль, который я устроил перед входом в его заведение, и он решил немного меня остудить. Однако я знал, что, если спрошу, сколько мне там сидеть, это воспримут как проявление страха, поэтому включил самую яркую улыбку Биркенфельдов.

— Мне подходит, — сказал я. — Мне нравится быть наедине с самим собой.

Один из стражников крепко ухватил меня за локоть и провел меня в дверь с электронным замком. Уходя, я услышал, как другой стражник прошептал, обращаясь к Мисс Приветливость: «Такого я еще не видел».

Мы прошли по длинному тихому коридору, ведущему к тяжелой двери с небольшим пуленепробиваемым окном и огромным замком. Надзиратель открыл ее, снял с меня наручники, толкнул меня внутрь и с грохотом захлопнул дверь за моей спиной. Пока он поворачивал ключ в замке, я повернулся к окошку, подмигнул надзирателю и сказал:

— Хороших выходных!

Он вздрогнул и быстро ушел.

Давным-давно, задолго до того, как я начал работать и попал в банк, я узнал кое-что важное. И узнал я это на льду, играя за школьную хоккейную команду в Массачусетсе. Другие игроки должны сразу же понять, что ты за фрукт — будь дружелюбен и полностью непредсказуем. Посмотри на них сверху вниз, улыбнись им одними губами, и они поймут, что с тобой лучше не связываться.

Конечно, вы можете бросить меня в тюрьму. Притворяйтесь, что за вами закон, что вы защищаете людей и делаете правильные вещи. Вы приглашаете меня добровольно поделиться своими секретами, за приглашение которых я рискую карьерой, не говоря уже о самой жизни. Затем вы предаете меня, говорите мне, что я — подонок, а сами заключаете тайное соглашение с большими шишками и позволяете настоящим акулам спокойно уплыть восвояси. Ну что ж, давайте бросьте меня в одиночку и потеряйте ключ.

Но помните, ребятки, когда-нибудь я выйду. И вы за все заплатите.

ЧАСТЬ I

Глава 1 / Отборочный тур

«Жадность — за неимением более точного слова — это хорошо!»

Гордон Гекко, герой фильма «Уолл-Стрит»

Вряд ли вам интересно знать о моем детстве. Однако я все равно расскажу вам о нем, так что потерпите мои лирические разглагольствования.

Я вырос в замке.

Возможно, эта фраза привлекла ваше внимание, но на самом деле это была не крепость с рыцарями и прекрасными дамами; так получилось, что все жители небольшого городка Хингэм, штат Массачусетс, почему-то так его и называли — «Замок». Это было большое каменное здание с шестью спальнями, фронтонами, башнями и окнами со свинцовой оплеткой. Его построил в начале XX века зажиточный промышленник. Замок стоял в центре участка размером в 2 гектара в окружении идеально ровных лужаек и нескольких гектаров природоохранной зоны. На участке проходило около 90 метров дороги, ведущей к довольно

необычной гавани Хингэма. Проехав мимо такого дома в наши дни, вы наверняка подумаете о его обитателях что-нибудь типа «богатый папаша, испорченные дети», но на самом деле этот дом превратился в «Замок Биркенфельд» в конце 1960-х, причем за цену, по которой в наши дни можно купить джип Wrangler.

Причина, по которой я так хорошо помню размер нашего участка, состоит в том, что мы с братьями постоянно косили траву на лужайках — каждую неделю весной, летом и осенью. Как я уже говорил, мой отец был уважаемым в Бостоне нейрохирургом и человеком, который верит, что нужно упорно учиться, еще упорнее работать и наслаждаться отдыхом только тогда, когда вы его заслужили. В детские годы он учился в квакерской школе в Пенсильвании (что всегда казалось мне странным, поскольку его предки были евреями, эмигрировавшими из России), и именно там он приобрел свое особое отношение к образованию, о котором говорил так: «Ты ничему не научишься, если болтаешь о вещах, в которых не разбираешься». Моя мама в молодости была моделью, а потом получила образование медсестры. Она воспитывалась в протестантском духе и довольно легко отказалась от работы в мире «от кутюр» ради жизни матери-домохозяйки. В те времена это было совсем не зазорным (что бы многие ни думали об этом в наши дни).

Еще одним важным человеком в мои молодые годы был мамин брат, генерал-майор⁵ Э. Дональд Уолш, человек, которого я очень любил и уважал. Мы редко видели дядю Дона, поскольку он работал генералом-адъютантом Коннектикута⁶, однако он все равно оказывал на нас большое влияние. Этот человек был настоящей легендой, заслуженным ветераном битв на Иводзиме и Окинаве, и я предполагаю, что именно от него я унаследовал страсть к адреналину и приключениям.

И понятно, что, если ваша мама, человек высокого стиля с хорошими манерами, уделяет вам все свое время, если ваш отец представляет собой великолепного нейрохирурга с безупречной трудовой этикой, а ваш дядя — герой Иводзимы и Окинавы, вы вырастаете незаурядными личностями. Мои старшие братья, Дейв и Дуг, были хорошими ребятами с головой на плечах и стремлением добиться цели. У меня самого всегда был блеск в глазах, и это было хорошо, потому что часто третьему ребенку в семье недостает родительского внимания. При этом никто из нас не был бездельником. Нам приходилось выкашивать лужайки размером с поле для гольфа и приводить в порядок кусок дороги шириной

5 Соответствует российскому званию генерал-лейтенанта. — *Прим. пер.*

6 Военнослужащий на этой должности обычно руководит всеми вооруженными силами штата, включая национальную гвардию. — *Прим. пер.*

со взлетно-посадочную полосу. Летом мы занимались разной случайной работой, например косили соседские лужайки и перевозили мебель вместе с сотрудниками профсоюза Teamsters⁷. Папа всегда ждал от нас хороших оценок и постоянно призывал нас играть в хоккей и футбол для развития конкурентных навыков, что совершенно определенно принесло свои плоды в моем случае. Мы знали, как завязывать галстук, говорить «мэм» и «сэр» на коктейльных приемах, которые устраивала мама. Мы научились время от времени заниматься всякими шалостями так, чтобы об этом не узнал папа. Даже боюсь представить себе, что могло бы случиться, если бы ему стало известно о наших делишках.

Когда пришло время идти в среднюю школу, я принялся умолять отца позволить мне поступить в частную академию. Это было не что-то наподобие школы Гарри Поттера (в те времена книги о нем еще не были написаны), просто мне казалось, что это будет круто. Врачебный опыт моего отца был очень востребован, и я знал, что плата за обучение не опустошит его кошелек. В какой-то момент отец со вздохом согласился, и я отправился в частную школу Тайер Академи, чтобы облачиться в пиджак с галстуком и обмениваться с соучениками шуточками на понедельничных службах в церкви. Я получал вполне достойные оценки, бился на хоккейных и футбольных полях, заигрывал с девочками на выходных и пил довольно много пива с группой самых близких друзей.

Думаю, теперь вы уже видите, что у меня всегда присутствовала тяга к приключениям и стремление к независимости, несмотря на все то, что должны были мне передать предки. Мне всегда было мало того, что у меня уже есть. К 18 годам я уже был заядлым стрелком и купил себе «Кольт» 45 калибра, точно такой же, какой висел на портупее дяди Дона. Я прыгал с парашютом в Нью-Йорке и частенько тащил своих стонущих приятелей в трехдневные походы в горы Вермонта, где мы разбивали лагерь, ловили рыбу, охотились и размышляли о том, каких следующих девчонок нам стоило бы закадрить. Нормальная, понятная жизнь в стиле Тома Сойера и Гека Финна.

Несмотря на все это, я начал серьезно задумываться о своем будущем. Мой старший брат Дейв интересовался медициной, а Дуг собирался стать юристом. Чем стоило заняться мне? Я заинтересовался военной карьерой, и не только потому, что мне нравилось оружие. Я хотел стать пилотом истребителя и летать над всем земным шаром как «бог солнца в костюме с молниями». Поэтому я заполнил все бумаги, необходимые для поступления в военную академию, и мне удалось поступить

7 Профсоюз водителей грузовиков — крупнейшее профсоюзное объединение США. — Прим. пер.

в прекрасное место — Норвичский университет в Нортфилде, штат Вермонт, самую старую частную военную академию в стране. Как можно было ожидать, она располагалась в пышной долине, окруженной горами. Ее здания были выстроены из кирпича и гранита. В центре академии стояла красивая белая церковь, а вокруг нее было много густых лесов и рек, где нас учили солдатскому ремеслу. В Норвиче обучали солдат всех специальностей, и я стал кандидатом в офицеры резерва ВВС. Однако в течение всего первого года я был всего лишь обычным «духом». Это значило, что я находился на испытательном сроке до тех пор, пока мой наставник (настоящий действующий офицер) не убеждался в том, что я могу быть достоин звания «кадет».

— Дух! Солнце уже минуту как встало. Почему ты, черт возьми, еще лежишь?!

— Дух! Эти ботинки должны сиять, как зеркало. Если я не могу смотреть в них при бритье, ты не сможешь в них воевать!

— Дух! Ты на что уставился? Быстро за рюкзаком и винтовкой, 30 секунд — время пошло! Мы идем на прогулку.

Стоит ли говорить, что зачастую такие «прогулки» проходили по колону в снегу, и обычно мы шли не меньше 15 километров. Мы научились носить форму и освоили полную боевую выкладку. Нас научили стрелять, правильно двигаться, ориентироваться на местности, поддерживать безукоризненную чистоту в доме и повторять приказания автоматически, как роботы. Мы бесконечно приседали, отжимались и бегали, но это меня совсем не напрягало. В школе я уделял много внимания спорту, поэтому мог заниматься физподготовкой сколько угодно.

Учебные занятия были непростыми; у нас были и военные дисциплины, но в основном мы учили математику, историю, английский и другие языки. Все, что от нас требовалось, — это упорная учеба, но здесь таился подвох, своего рода «уловка-22»⁸. Мы не могли браться за книги, не выполнив все солдатские обязанности, но очень сложно концентрироваться на чистке пряжек и винтовок, когда ты знаешь, что у тебя куча невыученных уроков. Поэтому каждый день заканчивался глубоко за полночь, а через пять часов нас снова безжалостно будили. «На строевую! На учебу!»

Все же к концу первого года мне удалось стать кадетом. И вот тогда началась настоящая работа. Я выбрал в качестве основной специализации экономику. Но знаете, что случилось, когда мы приступили к учебе? Мне тут же стало скучно. Сами занятия были достаточно интересными, и мне нравилось узнавать что-то новое о финансах, статистике,

8 Так называется известный сатирический роман американского писателя Джозефа Хеллера об армии. — Прим. ред.

фондовом рынке и тому подобном; но все это было лишь неинтересной теорией, а интерес для меня возникал только тогда, когда появлялся риск.

— Слушай, Бикер, — сказал я как-то ночью своему соседу по комнате Дейву Бикеру, когда мы готовились к экзамену. — Давай займемся бизнесом.

— Что значит — бизнесом?

Я сел в кровати. Мы жили в довольно большой комнате с подобием гостиной, хотя в целом место было унылым, как пункт приема платежей на платной автотрассе.

— Тебе не кажется, что эта школа похожа на монастырь? В свободное время нам вообще нечем заняться. А когда начинается этот чертов снег, мы даже не можем выбраться в город и сходить в кино!

— И что предлагаешь, Биркенфельд? Открыть топлесс-бар?

Я ухмыльнулся и поднял палец.

— Видеопрокат!

— Да ты рехнулся.

— Нет, я серьезно! У многих есть телевизоры, но смотреть по ним нечего, кроме прогноза погоды и сериалов. А что, если бы у нас было несколько видеомagneтофонов и фильмы?..

Заинтересовавшись, Бикер тут же уселся в свой постели.

— А нас за это не накажут? Что говорят о таких вещах правила?

— Я уже почитал правила, — ухмыльнулся я. — Никто не запрещает нам здесь зарабатывать деньги.

— Ты — хитрый ублюдок, — сказал Бикер.

— Сам знаю!

В ближайшие выходные мы собрали все имевшиеся у нас деньги, поехали в Бостон и вернулись оттуда с четырьмя видеомagneтофонами, тридцатью кассетами с фильмами, шестью киноафишами и цветным телевизором. Затем мы измерили параметры своей гостиной, отправились в Нортфилд и купили там деревянную обшивку для стен, большой ковер и три мягких удобных кресла (кадеты, у которых не было телевизора, могли бы за небольшую плату смотреть фильмы в нашем «кино-театре»). Совсем скоро наша гостиная превратилась в Парижскую синематеку, а слухи о ней начали распространяться по ротным казармам быстро, как лесной пожар.

К нам повалили целые толпы! Оказалось, что куча народа готова выложить денюжки за то, чтобы взять к себе в комнату видеомagneтофон и посмотреть свежий фильм со Сталлоне. Некоторые не брали у нас фильмы, видимо, у них где-то была припрятана порнушка. Но даже если бы кто-то из начальства устроил им взбучку, это никак меня не касалось. А тем, кто просто хотел взять фильм напрокат и посмотреть его в нашем кинотеатре, мы предлагали попкорн по разумной цене.

Довольно быстро мы с Дейвом начали наслаждаться главной целью любого бизнеса — хорошей Отдачей от Инвестиций. Мы тратили деньги на покупку книг, качественное снаряжение, пиво и поездки по выходным в город Берлингтон, штат Вермонт. Все шло как по маслу, пока однажды вечером не раздался громкий стук в нашу дверь. Я открыл ее.

Черт! Полковник Карбоне!

Когда Дейв увидел полковника в дверном проеме, его глаза чуть не вылезли из орбит, как у цикады.

Карбоне был кадровым, эталонным полковником армии США и советником коменданта по вопросам отношений с кадетами. У него был ежик из жестких волос. Пряжки и прочие металлические аксессуары на его форме сверкали будто золотые. Зайдя в комнату, он не сказал ни слова. Мы застыли, как ледяные скульптуры, пока его глаза внимательно сканировали деревянные панели на стенах, плакаты, видеомагнитофоны и стопки кассет на полках. Он посмотрел на свои вычищенные до блеска ботинки, утопавшие в ковре с высоким ворсом, а затем на наши кожаные шезлонги. А затем он кивнул.

— Я впечатлен, джентльмены. У вас тут даже лучше, чем у меня дома. — На его губах возникло подобие улыбки. — Занимайтесь.

Он развернулся на каблуках и вышел. Я повернулся к Дейву и ухмыльнулся.

— Я же тебе говорил, что в правилах об этом ничего не сказано!

— Боже! — рассмеялся Дейв. — Я чуть не напрудил в штаны!

В конце второго года моего обучения я отправился домой и попытался устроиться на летнюю работу где-нибудь в районе Бостона. Я полагал, что мои знания в области экономики и обучение в военном заведении делают меня достаточно привлекательным кандидатом для кадровиков, которые уже наверняка устали отшивать длинноволосых студентов колледжей с глазами, покрасневшими от марихуаны. Я получил работу в одном из лучших и самых почтенных финансовых учреждений Бостона, банке State Street Bank and Trust Company. Зарплата была просто фантастической — около четырех тысяч долларов за лето. За три месяца, в течение которых я приносил кофе финансовым менеджерам и бегал с отчетами о состоянии фондового рынка, я узнал о реальном мире серьезных финансов больше, чем мог рассказать мне любой из преподавателей.

Где-то в глубине души я понимал, что если действительно хочу стать боевым пилотом, то мне стоило бы искать работу в какой-нибудь аэрокосмической компании. Однако меня прельстили деньги, которые был готов платить банк: к деньгам у меня всегда была слабость. И как оказалось впоследствии, все случившееся было предначертано.

К концу следующего года я уже был старшим кадетом, покрикивавшим на духов, сильным как бык и легко справлявшимся

и с тренировками, и с учебой. Тем летом я снова пошел работать в State Street, а в начале осени вернулся в Норвич к последнему учебному году. Одним прекрасным днем я стоял на плацу и смотрел, как новички пытаются отличить равнение направо от равнения налево. Вдруг я почувствовал, что рядом со мной находится кто-то еще. Это оказался полковник Карбоне.

— Кадет Биркенфельд, — сказал он, дождавшись, пока смолкнет эхо от команд сержантов. — Я хотел бы с вами поговорить.

— Да, сэр!

— Вы хороший солдат — толковый, дисциплинированный и целеустремленный. Однако я думаю, что вам стоит пересмотреть свое будущее.

Я повернулся и посмотрел на него сверху вниз — с таким ростом вы будете смотреть сверху вниз на кого угодно.

— Что вы имеете в виду, сэр?

Полковник Карбоне ответил мне прямо и без уловок.

— Вы никогда не станете военным пилотом, Брэд. В наши дни пилотами становятся выпускники военно-воздушных академий с идеальными оценками. Вы хорошо учитесь, но вы по своей натуре финансист, и вы никогда не сможете добиться того же, что они. — Он пожал плечами, будто извиняясь. — Кроме того, вы не поместитесь в кабине F-16 — разве что с мылом.

Это не особенно меня шокировало. Кадеты часто беседовали о том, какие у них есть шансы получить желаемую должность в армии, и я понимал, что лично мои шансы невелики. Карбоне просто подтвердил мои собственные подозрения.

— А что бы вы порекомендовали мне, сэр?

— Осмотритесь, — ответил он. — Найдите что-нибудь более подходящее. Если вы пойдете по прежнему пути и поступите в ВВС, то закончите свою карьеру, сидя за пультом управления ракетой в километре под землей где-нибудь в Небраске.

Ни больше ни меньше. Я серьезно отнесся к его словам, но при этом не расстроился, не впал в депрессию и даже не думал о том, что напрасно потратил несколько лет. Клинт Иствуд говорил в фильме «Грязный Гарри»: «Человек должен знать пределы своих возможностей». Так что, может быть, мне и не было суждено стать лихим пилотом, но я уже понимал, что мне по силам стать настоящим асом в области банковской деятельности и финансов.

Зимой 1987 года я упаковал свои вещи и отдал последний салют Норвичскому университету. Меня приняли на заключительный семестр в Ричмонд-колледж в лондонском Южном Кенсингтоне. Меня невероятно волновали перспективы погрузиться в жизнь центра международных финансов, завести новых друзей в новой стране и впитать в себя все богатство европейской культуры. Я чувствовал себя полностью

сформировавшимся и готовым к этому. Я знал, что не стану военным героем, но тем не менее собрался завоевать мир.

Так я и оказался на своем длинном пути, который привел меня в тюремную камеру.

Но если бы вы тогда сказали мне, что в конце всех поворотов и маневров, удовольствий, интриг и приключений меня будет ждать Скул-килл, то я бы ответил:

— Вы рехнулись. Биркенфельд не может попасть в тюрьму.

Глава 2 / Бостонская бойня

«Незаурядный человек скромен в своих речах, но действия его говорят о многом».

Конфуций, китайский философ

State Street Bank and Trust Company, 1989 год.

Когда я впервые увидел Ника Лопардо, руководителя компании State Street Global Advisors, я подумал, что он, наверное, завернул сюда со съемок «Крестного отца-3», ошибившись зданием.

Этот высокий человек, весом не менее 110 килограммов, в блестящем серебристом костюме с кроваво-красным галстуком пронесся по этажу, на котором сидели аналитики. Его сопровождал еще более массивный телохранитель, у которого вместо правой руки был протез в форме крюка. У Лопардо были плотные черные волосы, брови, напоминавшие мохнатых сороконожек, сломанный нос, а его челюсть казалась даже шире толстой шеи. Он только что пришел с какой-то неприятной встречи, поэтому его лицо было красным от гнева. Когда Лопардо пробежал мимо столов, затряслись кофейные чашки. И первые слова, которые я от него услышал, были адресованы какому-то недостаточно проворному пареньку:

— А ну-ка быстро снял свои ноги с дьявольского стола! Это тебе не парк!

Паренек подскочил в кресле и моментально спрятал ноги под стол. В какое-то мгновение мне показалось, что он даже обмочился со страха. Глядя на то, как Лопардо с грохотом открывает стеклянные двери, ведущие к лифту, мой приятель Рик Джеймс наклонился ко мне и прошептал:

— Это — новый босс.

Николас А. Лопардо. Не самый типичный образ бостонского банкира.

Он был сыном владельца магазина, торговавшего металлоломом в Бруклине. В годы учебы в университете Саскуэханна в Пенсильвании

он играл в бейсбол (как шорт-стоп⁹) и в футбол (защитник). Он ограничился степенью бакалавра в области маркетинга и менеджмента, поняв, что ему не нужна вся та чепуха, которую преподают в бизнес-школах типа Уортона. Лопардо удалось перенести дух опасных улиц Маленькой Италии в мир высоких финансов¹⁰. Он провел 19 лет, занимаясь маркетингом институциональных пенсионных планов в компании Equitable Life, и все в State Street знали, что ему удалось успешно превратить старомодную компанию, предпочитавшую обслуживать богатых и знатных людей, в нечто существенно большее.

Когда в 1987 году Лопардо пришел в State Street, под управлением компании находились активы на сумму 18 миллиардов долларов. А когда он покидал контору в 2001 году, эта сумма выросла до *700 с лишним миллиардов*. Мы все им восхищались и хотели быть, как он. Он был лоялен к своим сотрудникам. Он защищал их как доберман, но при этом был чертовски требователен к ним. Ник Лопардо не брал пленных. С ним нужно было вести себя осторожно. Каждый раз, когда он восклицал: «Так, люди, пора кого-то *замочить!*», это могло означать как предстоящую схватку с компанией-конкурентом, так и желание придушить какого-то придурка на манер того, как это делал Аль Капоне.

Итак, Ник Лопардо задавал ритм, а мы все под него танцевали. State Street Bank and Trust Company оказалась моей первой пристанью в путешествии по миру больших финансов. Конечно, я занимался этой работой и раньше — летом между семестрами в колледже, — однако чаще всего я проводил время в подвале с другими молодыми сотрудниками, мечтавшими стать очередными уорренами баффеттами. Мы передавали сообщения, обрабатывали кучи бумаг для банкиров, обращались к ним «сэр», приносили сэндвичи и газировку на собрания, посвященные недоступным для нас темам, делали заметки во время выступлений, а затем быстро передавали их всем, кому это было нужно. Я часто чувствовал себя мальчиком на побегушках, но мне хорошо платили. Кроме того, в Бостоне было очень жарко. В городе и его окрестностях свыше 70 университетов и колледжей, и девушки, остававшиеся в городе на лето, ограничивались минимумом одежды.

Теперь же я стал полноценным сотрудником, и после последнего семестра в Лондоне я заважничал. Как и многие другие свежее испеченные выпускники колледжей, я считал себя невероятно толковым и сведущим

9 Игрок между второй и третьей базами, который должен останавливать мячи, попадающие в эту зону. — *Прим. пер.*

10 Район Манхэттена, населенный в начале XX века выходцами из Италии, в том числе мафиози. — *Прим. пер.*

в области финансов. Так или иначе, это был для меня очень важный период. Я впитывал знания как губка, работал не покладая рук и упорно карабкался по лестнице, ведущей к богатству.

State Street управлял несколькими крупными национальными и международными пенсионными фондами. Благодаря маркетинговому гению Лопардо компания раскидывала свои щупальца во все стороны и захватывала все больше крупных корпоративных счетов. Позвольте вкратце объяснить вам, в чем заключается этот вид банковского бизнеса.

Возьмем, к примеру, корпорацию с многомиллиардным оборотом типа General Electric. В крупной компании такого рода имеется особая структура для организации пенсионных выплат. Выплаты начинаются, когда лояльный сотрудник после 25 лет работы собирает свои вещи, получает в подарок золотые часы и отправляется домой ловить рыбу. Пока шел срок работы этого сотрудника, компания размещала небольшую долю своей прибыли в его пенсионном фонде. Иногда сотрудник переводит туда часть своей зарплаты, чтобы в итоге у него оказалось больше денег на лодку и весла.

В компании типа GE работают тысячи сотрудников, поэтому ее пенсионный фонд огромен — он составляет миллиарды долларов. Но вы же не хотите, чтобы все эти деньги лежали просто так или приносили вам паршивые три процента годовых, как в розничных банках. Вы инвестируете деньги — обычно в инструменты, приносящие больший доход, типа акций и облигаций. И тут на сцене появляется State Street, принимает на себя управление пенсионным фондом GE и зарабатывает намного больше денег для всех участников. Понятно, что при этом State забирает себе определенную долю за услуги по организации сделок и управлению ими.

Именно таким бизнесом мы и занимались. И именно так я в возрасте 23 лет начал работать на международных финансовых менеджеров, сотрудников Ника Лопардо, имевших впечатляющие резюме с аббревиатурами MBA и CFA¹¹ после своих имен. Я находился на низшей ступени иерархии, но именно так обучают всех новичков.

— Биркенфельд, сложи эти цифры, проверь результат трижды и не облажайся!

— Биркенфельд, беги с этой заявкой на покупку в валютный отдел и убедись в том, что эти клоуны знают, по какой ставке нужно делать покупку. Шевели ногами! Мы должны купить немецкие марки, а европейский рынок закрывается через полчаса!

11 Chartered Financial Analyst — обладатель международного профессионального сертификата CFA Institute, выдаваемого финансовым аналитикам, которые успешно сдали экзамены и удовлетворяют требованиям к образованию и опыту работы. — *Прим. пер.*

— Биркенфельд, если ты уйдешь с работы вечером до того, как Чикаго подтвердит покупку, завтра тебя найдут плавающим в аквариуме лицом вниз!

Я обожал все происходившее вокруг меня. Все двигалось в режиме нон-стоп, с матерком и ветерком. Я общался с компанией профессионалов в области инвестирования и получал настоящее наслаждение от окружавшей меня атмосферы. Каждый день, да что там, каждый час я узнавал что-то новое. Все мы работали в операционном зале, миниатюрной версии поля битвы на Уолл-Стрит. Там постоянно звонили телефоны, стучали клавиши, факсы выплевывали листы бумаги, а парни типа меня бегали вверх-вниз по лестницам, умудряясь устраивать друг другу постоянные розыгрыши. Мы плевались бумажными шариками, подкладывали друг другу подушки, издававшие непристойные звуки, и заклеивали ящики столов суперклеем. Как-то раз один парень раздобыл запись сцены из фильма «Когда Гарри встретил Салли», в которой Мег Райан имитирует звуки оргазма, сидя в ресторане, и запустил ее через колонки своего компьютера на полную громкость. Все в зале тут же в один голос заорали знаменитую фразу из фильма: «Я буду то же, что ест она!» (правда, этот розыгрыш больше не повторился — на нас пожаловалась одна коллега, родом с Ближнего Востока).

Понятно, что все это происходило лишь до тех пор, пока в зале не появлялся Ник Лопардо или кто-то из его помощников. Тогда зал моментально превращался в некое подобие библиотеки: туго затянутые галстуки, прямые спины и демонстративно профессиональное поведение. В глазах Лопардо мы все должны были выглядеть идеально. Как-то раз он заплатил огромную сумму чистильщику обуви, сидевшему напротив нашего офиса, и огласил следующую директиву: «Приходите на работу в начищенных ботинках или не появляйтесь здесь вообще. За это уже уплачено». Один управлявший портфелями инвестиций расценил эту директиву как «лицензию на чистку» и притащил на работу всю свою коллекцию обуви.

Лопардо, бывший спортсмен и огромный фанат хоккейной команды Boston Bruins, знал, как управляться с коллективом. Чтобы всегда выигрывать, требовался *корпоративный дух*, и в этом Лопардо поддерживали все менеджеры. Вы и *подумать* не могли о том, чтобы, выключив компьютер в 17:00, отправиться домой. Вы шли с парнями (и немногими работавшими у нас девушками) на матч Bruins или в соседнее заведение типа Brandy Pete's, Tia's или Clarke's. Там мы ели, шумели, пили до полуночи, потом шли домой, отрубались, затем приходили в себя через шесть часов и возвращались на работу — причем *вовремя*! Если вы избегали этого, то рисковали столкнуться с принятым у нас наказанием — придя на работу с утра, вы находили на своем столе розовую женскую туфельку с острым длинным

каблуком. Если такие туфельки оказывались на вашем столе слишком часто, окружавшие начинали смотреть на вас, как на прокаженного.

Поскольку я все же закончил военную академию, такой стиль жизни был по мне: много работать, делать крупные ставки и никогда не упускать возможности повеселиться. Меня прозвали «Штанкист» за мою фирменную выходку — когда мы отправляли кого-то из ребят в бар за пивом для наших дам и он возвращался обратно с занятыми руками и совершенно беззащитный, я подкрадывался к нему сзади, стягивал с него штаны до колен, и все окружающие могли насладиться видом его трусов. Я организовал в State Street команду по софтбоулу (с отличным названием Liquid Assets¹²), и мы успешно противостояли командам других банков, а иногда и команде бостонской полиции. Моему розыгрышу со штанами подверглись почти все участники, и я стал «Командиром штанка». Разумеется, я знал, что рано или поздно они захотят мне отомстить, и стал потуже затягивать свой ремень.

Но вернемся к бизнесу. Когда я работал в State Street, компания заключала все больше контрактов с международными и американскими институциональными пенсионными фондами. Мы управляли пенсионными активами компаний со многомиллиардными оборотами, такими как Amoco, IBM, General Electric и NYNEX. Чтобы ценность активов росла, мы инвестировали их в акции, облигации и иностранные валюты. Постепенно я начал работать с управляющими портфелями и принимать решения относительно слияний, поглощений, управления правами, реинвестирования дивидендов и так далее. Моя работа предполагала организацию отношений с брокерскими домами и помощь в выборе «правильной лошадки» в нужный для работы момент.

Затем я переместился в группу международных доверенностей, где мы издавали руководства по голосованию для наших представителей по всему миру с тем, чтобы их решения шли на пользу нашим клиентам из пенсионных фондов (по сути, мы советовали акционерам, как нужно голосовать по корпоративным действиям типа слияний и поглощений). Я сам получил доверенность на голосование от акционеров одной японской компании. Мы работали в подразделении State Street, занимавшемся институциональными инвестициями, изначально известном как отдел управления активами. Однако его важность росла, и он получил новое название — подразделения глобальных советников State Street, или SSgA, а я очутился в отделе работы с валютами, созданном нашими собственными силами. Сотрудники этого отдела были опытными и толковыми. Некоторые из них знали по несколько иностранных

12 Финансовый термин — ликвидные или быстрореализуемые активы. — *Прим. пер.*

языков, и сферой их деятельности был весь мир. Товаром, с которым они работали, была иностранная валюта — они заключали соглашения с другими банками, оформляли кредитные линии для наших клиентов, а затем исполняли сделки по покупке иностранных валют для финансирования покупок недвижимости и корректировки наших валютных позиций для целей хеджирования. Я с головой погрузился в изучение массы новых для себя вещей.

Позвольте мне объяснить суть концепции иностранной валюты. Возможно, вы как инвестор не хотели бы ограничиваться инвестициями в одни лишь американские ценные бумаги. В случае экономического спада диверсификация позволяет значительно снизить риски. Мы заключали сделки по всему миру, и зачастую иностранные рынки обеспечивали нам более высокую отдачу, чем Нью-Йоркская фондовая биржа. Однако для того, чтобы купить иностранные акции, вам нужна иностранная валюта.

К примеру, если бы вы хотели купить акции французской фармацевтической компании Sanofi, то вам понадобились бы для этого французские франки (в то время Европейский союз еще не ввел в обращение свой жуткий евро). А эти франки вам пришлось бы купить за доллары США, и поскольку курсы покупки и продажи иностранных валют скачут, как и курсы акций, вы должны были хорошо знать свое дело, а затем быстро думать и действовать, чтобы Ник Лопардо не дал вам коленом под зад.

Я достиг подлинной славы, работая в новом валютном отделе. Работа напоминала мне карнавал, на котором вокруг тебя постоянно вращается куча людей, занимающихся совершенно разными делами. Все нужно было делать быстро — оценивать ситуацию, заключать сделку, проверять результаты и браться за следующее дело.

Мы должны были уделять огромное внимание деталям. Мы работали с десятью разными банками-контрагентами, и для каждого из них у нас были открыты кредитные линии примерно для сотни счетов корпоративных клиентов. Нам приходилось торговать практически всеми основными мировыми валютами — французскими франками, немецкими марками, итальянскими лирами, испанскими песетами, британскими фунтами, голландскими гульденами и так далее. А затем мы быстро расширили свою деятельность на валюты растущих рынков — индийские рупии, корейские воны, тайские баты, филиппинские песо и т.д. Мы должны были вносить в нашу субдепозитарную банковскую сеть детальные инструкции по работе с каждым банком — идея состояла в том, чтобы быть готовыми моментально продать или купить иностранные ценные бумаги в практически любой стране мира.

До того как в компании появился валютный отдел, все наши менеджеры счетов самостоятельно заключали свои валютные сделки. Теперь все эти действия были объединены, и одна-единственная группа

занималась всеми рыночными исследованиями, покупкой, продажей валют и погашением задолженностей. Раньше пять разных менеджеров покупали французские франки в разное время и по разной цене, теперь мы делали это в рамках одной сделки, аккумулируя все заявки и получая более выгодные условия. Кроме того, мы работали с департаментом информационных технологий над созданием продвинутой компьютерной системы. Мы сделали все для того, чтобы все процедуры были автоматизированы и работали в рамках сложной системы сдержек и противовесов. Все это позволило серьезно упростить процесс и сэкономить немало денег и для наших клиентов, и для банка благодаря снижению транзакционных издержек, уменьшению количества незаключенных по разным причинам сделок и улучшению качества реализации каждой из них.

Я работал с международными финансовыми менеджерами каждый день, и уже через год я занимался управлением валютными сделками типа «спот» и «форвард» для 90 институциональных счетов, имевших активов более чем на 30 миллиардов долларов. Я наслаждался адреналиновой лихорадкой и заключал хорошие сделки, зарабатывая при этом для себя около 40 000 долларов в год. В конце 1980-х, особенно после краха 1987 года, это были неплохие деньги, но мне было мало.

Вспомнив о своем бизнесе с видеомэгнитофонами в Норвиче, я начал искать возможности подзаработать. Я обитал в жилом комплексе в Веймуте, штат Массачусетс, представлявшем собой три красивых 12-этажных здания с видом на залив и панораму Бостона. Как-то в субботу, когда я стоял в холле здания и пролистывал утреннюю газету, ко мне обратилась приятная пожилая соседка:

- Доброе утро, молодой человек!
- И вам самого доброго утра, миссис Суонвик.
- Могли бы вы сделать мне одолжение, Брэдли? Вы такой высокий...
- И красивый? — подмигнул я.
- Ну да, конечно, — она покраснела и махнула на меня носовым платком.

Оказалось, миссис Суонвик никак не могла отмыть верхнюю часть окна своей квартиры. Я отправился за ведром, губчатой шваброй и скребком, после чего потратил около получаса, приводя ее окно в идеальное состояние. Когда я закончил, она ущипнула меня за щеку и вручила мне 50 долларов.

Как вы понимаете, совсем скоро я уже напечатал листовки с рекламой моего бизнеса по мойке окон и чистке ковров и распахал их под двери всех квартир дома.

Каждую субботу после этого я арендовал паровой пылесос в ближайшем магазине U-Haul, вооружался тряпкой и ведром и в течение пяти часов занимался уборкой, получая за это 100 долларов в час. Затем

я занялся и укладкой покрытий на балконах, что дало возможность заработать еще больше денег. Мой побочный бизнес никак не лишал меня радостей жизни, поскольку я активно веселился вечерами в рабочие дни.

Работа в State Street Global Advisors была хорошей и стала еще интереснее, когда пришли 1990-е. Репутация банка и его активы росли, и Ник Лопардо был в своей лучшей форме. Мы искренне гордились тем, как он выступил перед довольно недружелюбной аудиторией на собрании профсоюза Teamsters в Бостоне. По сути, Лопардо сказал собравшимся, что они слабаки, которые просто не знают, как управляться со своими деньгами. После этого профсоюз попросил State Street заняться его пенсионным фондом. Лопардо, сумевший чудесным образом обратить ситуацию в свою пользу, назвал фонд именем «Джимми Хоффа»¹³.

Мой менеджер в SSgA Джо Фостер был честным и искренним парнем, и мне было приятно работать с ним. Этот выпускник программы MBA Бостонского университета с квалификацией CFA был на 15 лет старше меня — яркий, стильный и профессиональный. Ничто не могло ускользнуть от его внимательных глаз, он всегда был открыт, и я научился от него тому, что даже крошечная ошибка может иметь серьезные последствия. Мы никогда не уходили с работы в конце дня, не перепроверив условия каждой сделки, зато после этого мы могли позволить себе накачиваться пивом и болтать о спорте.

У меня было много друзей в банке, однако лучшим из них был Рик Джеймс. И хотя у Рика были бизнес-образование и квалификация CFA, он никогда ими не кичился. Он гениально обращался с цифрами и интерпретировал постоянно менявшиеся котировки так же умело, как врач — кардиограмму. Я был высоким, шумным, при разговоре я постоянно размахивал руками, длинными, как у обезьяны. Рик же был ниже меня, плотно сбитым, мрачновато-красивым и тихим. У него была милая постоянная подружка. Всем было очевидно, что когда-нибудь она станет миссис Джеймс, что у них родится много детей и что они купят себе автомобиль Volvo. Я же не ссы с одного свидания на другое, как скоростной поезд. Мы с Риком любили пошутить о том, насколько разные у нас стили жизни, но мы всегда уважали выбор друг друга. Это было некое подобие «инь и ян», которое успешно работает и по сей день.

Что же касается банка, спустя примерно три года после начала моей работы в State Street сказка постепенно начала тускнеть. Чем активнее рос бизнес в области управления активами и услуг по глобальному хранению ценностей, тем больше людей нанималось на работу, и на нашу

13 Джимми Хоффа — известный американский профсоюзный деятель, пропавший без вести летом 1975 года. — *Прим. пер.*